

ОСМЫСЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ГЕНИАЛЬНОСТИ КАК ИНВАРИАНТА СВЕРХЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Беляев Д.А.

ФГБОУ ВПО «Липецкий государственный педагогический университет», Липецк, Россия (398020, г. Липецк, ул. Ленина, 42), dm.a.belyaev@gmail.com

Данная статья продолжает серию научно-исследовательских работ, посвященных актуальной тематике – изучению различных вариантов существования феномена сверхчеловека в континууме европейской культуры. Так, в настоящей работе с помощью методов компаративного культурфилософского и антропологического анализа рассматривается инвариативная модель сверхчеловеческого сознания, социокультурно концептуализированная в феномене гениальности. Выявляются причины сложности артикуляции сверхчеловеческого сознания и генезис философского понимания гениальности в истории культуры. Особое внимание акцентируется на характеристике индивидуальной и культурной экспликации гениальности, а также ее соотношении с концептом сверхчеловеческого сознания. Сравнительный анализ феномена гениальности доказывает принципиальную близость гения и сверхчеловека на уровне их ментальной репрезентации. В частности, приводится группа индивидуальных и социокультурных свойств гения, которые имеют прямые коннотации с сущностными характеристиками сверхчеловека.

Ключевые слова: гений, гениальность, сверхчеловеческое сознание, сверхчеловек, философия гениальности, сверхчеловечность и гениальность.

CONCEPTION OF THE PHENOMENON OF GENIUS AS AN INVARIANT OF THE OVERMAN CONSCIOUSNESS

Belyaev D.A.

Lipetsk State Pedagogical University, Lipetsk, Russia (398020, Lipetsk, Lenin's street, 42) dm.a.belyaev@gmail.com

This article extends the series of the research devoted to the urgent subject, which is the analysis of different variants of existence of the overman phenomenon in the continuum of European culture. Thus, by means of comparative cultural-philosophical and anthropological analysis, this article analyzes the invariant model of the overman consciousness which is socio-culturally conceptualized in the phenomenon of the genius. The article exposes the causes of difficult articulation of the overman consciousness as well as the genesis of the philosophical understanding of the genius in cultural history. Special attention is paid to the characteristics of individual and cultural explication of the genius and to its correlation with the concept of the overman consciousness. Comparative analysis of the phenomenon of the genius proves that the idea of the man of genius and that of the overman are closely interconnected on the basis of their mental representation. Particularly, the article reviews the group of individual and socio-cultural features of a genius which have direct connotations with the essential overman characteristics.

Keywords: man of genius, genius, overman consciousness, overman, philosophy of the genius, overhumanity and genius.

Идея сверхчеловека является неотъемлемой частью культуры и общественного сознания, отражая принципиальную незавершенность человека и его перманентную устремленность на преодоление своей посясторонней данности. Современный исследователь Г.Е. Давыдова справедливо отметила, что идея сверхчеловека «представляется мерцающей мечтой, которая живет в каждом из людей» [5, с. 69]. Здесь необходимо сделать одно уточнение. Само понятие «сверхчеловек», первично связываемое с философией Ф. Ницше, входит в общекультурный дискурс лишь с конца XIX века. Однако идея сверхчеловеческого, на что указывают В.С. Соловьев, Б. Шоу, П.Д. Успенский, Ж. Делез и многие другие мыслители, имеет гораздо более глубокую историю. Соответственно, в

культурном континууме возникает множество вариантов концепта «сверхчеловек», в каждом из которых отражаются хронотопно бытующие предельные идеалы человека.

Конструирование и описание модели сверхчеловека основывается на радикальной «позитивной» трансформации ряда значимых характеристик человека. Концептуально можно выделить две самые распространенные типологические разновидности бытующих в культурно-историческом пространстве инвариантов сверхчеловека, которые условно могут быть названы «антропологический сверхчеловек» и «аксиологический сверхчеловек». В первом случае сверхчеловечность выражается через наличие внешних физиологических атрибутов, принципиально выходящих за рамки «человеческой нормальности». В свою очередь, аксиологическая сверхчеловечность основывается на принятии и продуцировании субъектом новой ценностной матрицы, меняющей традиционные поведенческие и мировоззренческие стратегии.

Указанные сверхчеловеческие типы сравнительно хорошо артикулированы в тексте культуры, что позволяет им являться объектами философских рефлексий. Однако зачастую акцент делается на рассмотрение внешне репрезентируемых атрибутов сверхчеловеческих состояний, в то время как, например, модели сверхчеловеческого сознания практически не рассматриваются. Поэтому именно сверхчеловеческое сознание является основным объектом анализа в настоящем исследовании.

Наша работа основана на методе компаративного культурфилософского и антропологического анализа, а также герменевтической реконструкции. Ее целью является, во-первых, выявление значения сверхчеловеческого сознания в конструировании целостного образа сверхчеловека; во-вторых, осмысление феномена гениальности и выделение его сущностных культурфилософских, аксиологических и антропофилософских характеристик; в-третьих, соотнесение атрибутивных характеристик сверхчеловека и гения, как субъектов социокультурного дискурса.

Сразу следует отметить, что атрибутивная артикуляция феномена сверхчеловека через сверхчеловеческое сознание и психику сравнительно редка. Отчасти это связано с тем, что описание модели сверхчеловеческого сознания имеет объективные сложности. В данном случае самым простым, в смысле адекватности выражения, является дискурс говорения о сверхчеловеке с физически-антропологических позиций. Здесь человек, не обладая набором сверхчеловеческих качеств, легко может смоделировать сверхчеловеческие способности сугубо калькулятивным способом, т.е. математически преумножая исходные физические возможности человека. Уже в случае описания «аксиологического сверхчеловека» становится несколько сложнее адекватно артикулировать сверхчеловеческие качества. Яркий пример тому – образ сверхчеловека у Ницше, который чаще всего рисуется нигилистом,

отрицающим все ценности. А позитивный образ сверхчеловека в ряде случаев рационально, непротиворечиво и последовательно выразить весьма проблематично. Однако, в конечном счете, это выражение все же возможно, хотя зачастую и оставляет ряд «метафизических лакун» и «затемненностей».

Характеристика сверхчеловеческого сознания неизбежно включает в себя описание вышедшего на новый уровень отражения объективной реальности, а также принципиально новых форм ее осмысления, которые генерируются сверхсознанием. И здесь человек, непосредственно не вовлеченный в этот психосверхчеловеческий дискурс, априори не имеет полных данных для его моделирования. С. Лем, рассуждая о создании художественно-литературного образа сознания сверхчеловека, справедливо отметил, что сравнительно легко описать сверхчеловеческие психовозможности ребенка, т.к. в данном случае на ребенка просто переносятся модели понимания и мышления взрослого, и они, применительно к ребенку, идентифицируются как сверхвозможности [8, с. 298]. Например, ребенок доказавший «теорему Пифагора» в три года может считаться обладающим сверхинтеллектом. Однако для взрослого это не является уже показателем каких-то интеллектуальных сверхвозможностей. Поэтому зачастую встречаются или предельно общие модели описания сверхчеловеческого сознания, в ряде случаев носящих апофатический характер, или они несут калькулятивно-математическую направленность, когда ментального сверхчеловека наделяют способностями быстро считать, быстро усваивать большие информационные массивы, все помнить и т.п.

Одновременно в дискурсивном пространстве современной культуры можно легко обнаружить реальное бытование феномена сверхчеловеческого сознания, если мы понимаем под последним наличие выходящих за рамки человеческой «нормальности»/«обычности» творческих способностей индивида. Так людей, чьи психические способности, под которыми мы понимаем широкий круг способностей человека, непосредственно возникающих благодаря его сознанию, подсознанию, интеллекту и прочей деятельности психики человека, качественно превосходят способности «обычных» людей, называют гениями. Характеристики образов гения и сверхчеловека по целому ряду ключевых показателей предельно близки. Не случайно Ф. Ницше считает «совершенных свободных умов», т.е. предшественников/предтеч сверхчеловека, «специальным случаем» гениев [9, с. 231].

Стихийная рефлексия относительно феномена гениальности берет свои истоки еще в период античности. На наш взгляд, совершенно определенно можно утверждать, что гений является инвариантом ментального сверхчеловека. Гений – это человек, принципиально превзошедший на уровне психических способностей существующие нормы, соответственно, обладающий сверхчеловеческим сознанием.

Генеалогия идентификации феномена гениальности также сближает его с феноменом сверхчеловеческого. Изначально в Древней Греции и Риме гениев причисляли к духам или младшим божествам, которым поклонялись и приносили дары. При этом считалось, что гении-духи периодически вселялись в некоторых людей, тем самым наделяя их некоторыми сверхчеловеческими способностями, как правило, творческого характера.

Гении-духи являлись своеобразными божественными проводниками человека, имевшими возможность вмешиваться в его жизнь [10, с. 15]. В этой связи можно вспомнить «даймона» Сократа, с деятельностью которого сам древнегреческий философ связывал свои интеллектуальные прозрения. Гений-дух непосредственно связывается со сферой божественного и, вселяясь в человека, он привносит это божественное начало в человека, тем самым выводя его на сверхчеловеческий уровень. Соответственно, как изначально античный герой-сверхчеловек выводится из симбиоза божественного и человеческого начал [1], так и гений рождается из привнесения божественной силы в душу человека. С той лишь разницей, что у героев причастность к божественному проявлялась через их физические сверхчеловеческие способности, а у гениев сверхчеловечность выражается в «высшей» работе их сознания.

Далее, сначала имплицитное понимание гениальности в Средневековье и эпоху Возрождения, и позднее эксплицитное философско-эстетическое его осмысление в Новое время в целом продолжили античную линию. Гениальность трактовалась иррационально и связывалась с привнесением в душу (сознание) человека неких божественных (идеальных) интенций, которые провоцировали в нем возбуждение творческой энергетики. Ее результирующее действие привело к созиданию принципиально новых культурных феноменов.

С XVIII в. феномен гениальности становится объектом философского исследования. Начиная с этого времени, многие мыслители пытались дать определение понятию «гений». Так, например, И. Кант считал, что «гений – это талант (дар природы), который дает искусству правила» [7, с. 180], а Г.В.Ф. Гегель полагал, что «гений есть всеобщая способность к созданию подлинных художественных произведений, равно как и энергия, благодаря которой он развивает и упражняет эту способность» [3, с. 294]. По Ф. Ницше гений – это человек, оказавшийся в пространстве свободы и имеющий в себе внутренние силы творческой энергетикой созидать новые культурные формы. Н.А. Бердяев развивает религиозно-персоналистскую трактовку гениальности, понимая последнюю как «святость дерзновения», через которую гений творчески совершает универсальный прорыв к «миру иному» [2, с. 154-155].

Заметно, что первично философы рассматривали бытование феномена гениальности исключительно в пространстве искусства. Однако с конца XIX в., во-первых, появляется более универсальное понимание гения, которое включает в себя также реализацию человека в иных культурных сферах; во-вторых, анализ феномена гениальности стремительно рационализируется, становясь предметом рассмотрения психологии и педагогики.

Обобщая все многообразие определений понятия «гений», мы считаем, что можно его дефинировать следующим образом. Гений – это человек, обладающий исключительной и оригинальной творческой способностью, признаваемой значимым общественно-субъектным большинством, которая реализуется в рамках социокультурного дискурса, а также влияет на культуру непосредственно или в обозримой исторической перспективе.

Можно выделить целый ряд качественных свойств гения, которые роднят его со сформировавшимся в культуре традиционным образом сверхчеловека.

Во-первых, гения, как и сверхчеловека, отличает индивидуальная исключительность [10, с. 50]. Гений всегда есть нечто уникальное, он не может быть частью массы, напротив, чаще всего он противопоставлен ей.

Во-вторых, деятельность гения непременно направлена на созидание и установление принципиально новых законов, канонов, правил. К. Симонтон справедливо отмечает, что неповторимость, результирующая уникальность «продукта» гениальной деятельности является одним из важнейших показателей, идентифицирующих ее субъекта как гения. В этом смысле гений тождественен, например, ницшеанскому или христианскому сверхчеловеку, являющемуся творцом новых ценностных матриц.

В-третьих, гений, творя новое, всегда совершает бунт против традиции, выступая в роли нигилиста по отношению к ней. Только через преодоление традиции, нормативности совершается гениальный творческий прорыв в пространство нового. Эта особенность гения особенно подчеркивается А. Камю [6]. Здесь гений, подобно сверхчеловеку, производит радикальную переоценку ценностей. Изначально гений – это, прежде всего, творческий бунтарь, он, подобно ницшеанскому «льву», своей индивидуальной субъектной деятельностью радикально пересматривает пространство общепринятого, приемлемого.

В-четвертых, гений, как правило, изначально находится в пространстве социокультурного непонимания и неприятия, что обусловлено принципиальной новизной его результирующей деятельности. Это приводит к тому, что гений, даже будучи признанным, перманентно одинок. Е.А. Хомченкова права, когда говорит, что после бунта гений «погружается в одиночество» [10, с. 115]. Как и сверхчеловек, живущий в пространстве «человеческого», гений может быть почитаем, но никогда не будет полностью принят. Он всегда останется пусть и желанным, но все же изгоем.

В-пятых, результат творческой деятельности гения всегда носит культуросозидательный характер. Гениальные открытия принципиально меняют те сферы культуры, в которых они были совершены. Гениальность чаще всего связывают с пространствами искусства и науки. Искусство формирует важную часть духовной сферы культуры, а наука оказывает непосредственное влияние на материальную культуру [4, с. 362-369]. Соответственно результирующая деятельность как гения, так и сверхчеловека оказывает существенное влияние на культуру.

В-шестых, деятельность гения всегда сопряжена с необходимостью достижения общественного признания, даже если он прямо и не артикулирует эту потребность. Поэтому через признание гений приобретает символическое бессмертие. А именно бессмертие часто является важным атрибутом антропологического измерения сверхчеловека. И пусть бессмертие гения является лишь социокультурно опосредованной формой бессмертия, однако и это является еще одной характеристикой, роднящей сверхчеловека и гения.

Обобщая все выше сказанное можно сделать вывод, что гений является инвариантом психоментального сверхчеловека, который реализует свои сверхчеловеческие творческие способности в рамках социокультурного дискурса. Здесь важно обратить внимание на то, что тип гения-сверхчеловека, в отличие от прочих инвариантов сверхчеловека, не является футуристическим образованием, а признается существующим реально на всех этапах историко-культурного развития человечества. То есть наличие гениев в реальном социокультурном пространстве, помимо прочего, непосредственно указывает массам людей на практическую возможность выхода на сверхчеловеческий уровень созидательной активности сознания.

Список литературы

1. Беляев Д.А. Древнегреческий герой как инвариант сверхчеловека в контексте генезиса античной культуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2011. – № 8. – Ч. 3. – С. 29-31.
2. Бердяев Н.А. Смысл творчества: опыт оправдания человека. – М. : АСТ ; Харьков : Фолио, 2004. – 678 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Эстетика : в 4 т. – М. : Искусство, 1968. – Т. 1. – 312 с.
4. Гончаренко Н.В. Гений в искусстве и науке. – М. : Искусство, 1991. – 432 с.
5. Давыдова Г.Е. Философско-антропологические основания европейского фашизма (классическая и современная формы) : дис. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д, 2005. – 172 с.

6. Камю А. Бунтующий человек. – М. : ТЕРРА-Книжный клуб ; Республика, 1999. – 416 с.
7. Кант И. Критика способности суждения. – М. : Искусство, 1994. – 367 с.
8. Лем С. Фантастика и футурология : в 2 кн. – М. : АСТ:ХРАНИТЕЛЬ, 2008. – Кн. 2. – 667 с.
9. Ницше Ф. Сочинения : в 2 т. – М. : Мысль, 1990. – Т. 1. – 829 с.
10. Хомченкова Е.А. Феноменология гениальности: от антропной к социокультурной детерминации : дисс. ... канд. филос. наук. – Омск, 2007. – 158 с.

Рецензенты

Ромах О.В., д.филос.н., профессор кафедры философии Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, г. Тамбов.

Попков В.А., д.филос.н., профессор кафедры философии и социально-политических теорий Липецкого государственного педагогического университета, г. Липецк.